

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH171236-249>

Андрей Тюхтяев,
независимый исследователь,
г. Санкт-Петербург, Россия
atiukhtiaev@eu.spb.ru

ЗАМЕТКИ О ПОЧИТАНИИ СВЯТОЙ РУЧКИ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В 1940–1960-е ГОДЫ: ПАЛОМНИЧЕСТВО И ЭТНИЧНОСТЬ

Аннотация. В статье представлен анализ архивных документов о почитании святых мест в Краснодарском крае в советскую эпоху, в частности комплекса водных источников, получивших название «Святая ручка». Паломничество находилось под запретом официальных советских властей и не пользовалось одобрением клира Русской православной церкви. В то же время почитание святых мест поддерживалось людьми по всей стране, составляя важную часть сферы народной религиозности. Святая ручка — пример паломнического места, посещение которого было и остается одним из способов солидаризации для сообществ понтийских греков в Краснодарском крае. Представители этой этнической группы, несмотря на поддержку в национально-патриотическом движении в раннесоветскую эпоху, были впоследствии лишены возможности обрести политическую субъектность. Период существования греческого национального района продлился недолго, сменившись репрессиями и угнетением. В результате паломничество стало одним из немногих публичных проявлений этнической традиции в условиях ограниченных институциональных возможностей. Разное понимание того, через что может выражаться народная культура становилось причиной конфликтов между властью и частью населения. Переход этнического в домен религиозного неизбежно приводил к осуждению и надзору со стороны органов власти. В случае борьбы с почитанием святых мест особую роль играл Совет по делам Русской православной церкви (в дальнейшем объединенный с Советом по делам религиозных культов в одно учреждение — Совет по делам религии при Совете министров СССР). Документы Совета по делам РПЦ о Святой ручке во многом подтверждают тенденции эпохи — представители этого органа пытались с помощью наблюдения понять социальную подоплеку религиозных практик и осознавали важность неформальной религиозности для поддержания этничности. Впрочем, как и во многих других случаях, прекратить почитание святых мест удавалось только через принудительные запреты. Сама же традиция паломничества, оставаясь значительной частью этнической культуры, продолжила свое существование и после распада СССР.

Ключевые слова: паломничество, этничность, понтийские греки, святые источники, советский атеизм.

© Тюхтяев А. 2021,

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH171236-249>

Andrei Tiukhtiaev
Independent researcher,
Saint Petersburg
atiukhtiaev@eu.spb.ru

NOTES ON SACRED SITES WORSHIPPING IN KRASNODAR KRAI IN 1940–1960s: PILGRIMAGE AND ETHNICITY

Abstract. The paper presents an analysis of documents describing the history of holy sites worshipping in Krasnodar Krai in the Soviet era. The case the author relies on is a place called “Holly Hand” with several water springs redolent for many people with a sacred meaning. The pilgrimage had been prohibited by Soviet authorities, and the Orthodox clergy avoided supporting such practices as well. At the same time, sacred sites worshipping was significant for folk religion all across the country. Holly Hand is an example of a place a visit to which was and remains an act of solidarization of Pontic Greeks communities. This ethnic group had certain support and political promotion in the early Soviet nation-building project. However, the period of Greek national autonomy did not last long and was replaced by political oppression. Pilgrimage became one of a few public manifestations of ethnic traditions given the limited institutional capacities. Different understandings of the way through which folk culture can be expressed, turned out to be the reason for conflicts between the authorities and some groups of citizens. The transition of ethnicity into the domain of religion inevitably led to surveillance and counteraction organized by authorities. The Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (The Council for Religious Affairs after-ward) played a special role in this struggle. Documents of Council for the Affairs of Russian Orthodox Church related to Holly Hand springs demonstrate key political tendencies of the epoch. Representatives of the Council tried to capture the social context of religious practices through the observation, and they had a quite clear understanding of the significance that folk religion had for the ethnicity construction. However, Soviet authorities could prevent people from pilgrimage only through ban and coercion. The tradition of pilgrimage itself continued to exist after the collapse of the USSR, remaining a significant part of ethnic culture.

Keywords: pilgrimage, ethnicity, Pontic Greeks, holly springs, soviet atheism.

© A.Tiukhtiaev, 2021

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Паломничество в СССР, в частности православное, интересно тем, что оно являлось как для государства, так и для частично легализованной РПЦ нежелательным явлением и потому пресекалось. Однако уже в позднесоветское время и особенно после распада советского государства поездки к святым местам станут достаточно популярными. Эта трансформация стала возможной во многом потому, что советский секуляристский проект так и не был в полной мере осуществлен, а в некоторых случаях привел и к прямо противоположному эффекту, подготовив почву для религиозного возрождения, в рамках которого этничность оказывается трудно помыслить в отдельности от религии [1, с. 7–45].

Почитание Святой ручки — нескольких водных источников в Крымском районе Краснодарского края — это пример того, как паломничество становится одним из немногих способов поддержания солидарности в условиях радикального секуляризма и угнетения отдельных этнических групп, в данном случае сообществ понтийских греков.

Понтийские греки в Краснодарском крае и почитание Святой ручки

Диаспора понтийских греков на Северном Кавказе сформировалась благодаря четырем волнам миграции из Турции в Российскую Империю и затем СССР, начиная со второй половины XVIII века и заканчивая 1920-ми годами [2]. В Краснодарском крае есть несколько ареалов греческого расселения, включая Сочинский, Туапсинский, Геленджикский, Крымский, Абинский и Северский районы. Среди понтийских греков, проживающих на этих территориях, есть грекоязычные (ромей) и тюркоязычные (урумы) группы. И те, и другие исповедуют православие, что вкупе с фактом происхождения с черноморского побережья Турции составляет важную составляющую идентичности представителей этих этнических сообществ.

В раннее советское время был осуществлен кратковременный проект греческого национального района. Этот район был создан в одном из мест расселения понтийских греков Северо-Западного Кавказа с центром сначала в станице Крымской, а затем Нижнебаканской и просуществовал с 1930 по 1938 годы [3, с. 103]. На его территории создавались национальные колхозы, в местной печати и школах использовался греческий язык. При этом, если в Приазовье — другом крупном ареале проживания греков в СССР — власти выбрали в качестве языка образования димотику [4, с. 75–82] (разговорную форму языка греков из Греции), то на юге России были попытки создания литературного языка на основе идиома понтийцев [3, с. 108]. Такое решение было характерным выражением исповедуемых советскими чиновниками и интеллигенцией того времени принципов этнического партикуляризма [5, с. 439].

Греческий район имел статус района республиканского значения. Однако

поворот сталинской политики в сторону русификации привел к репрессиям и депортации греков, а также упразднению греческого национального района в 1938 году и учреждению на его месте новой административной единицы — Крымского района [3, с. 108]. На территории последнего располагаются до сих пор почитаемые греческим, армянским и русским населением источники (один из них называется Святая ручка, что дало название всему месту). Таким образом, советская модернизация, начавшись с практик позитивной дискриминации [6], обернулась в итоге репрессиями и нивелированием присутствия понтийских греков как автономного коллектива в публичной жизни региона и страны.

После распада СССР этнические общины стали сотрудничать с Грецией и наладили механизмы получения виз и паспортов для греческого населения юга России. Появление нового агента — греческого государства, предложившего понтийцам новый способ обретения политической субъектности, внесло свои изменения в процесс конструирования идентичности [7]. Впрочем, хотя часть понтийских греков эмигрировала в Грецию и другие страны, сегодня многие из них продолжают жить в тех же районах Краснодарского края, где жили раньше.

В 1990-е годы этнографы Кубанского государственного университета неоднократно проводили экспедиции в местах проживания греков, фокусируясь в основном на диаспоральной истории, языковой ситуации и элементах традиционной культуры. Авторы статей, посвященных грекам Северского, Геленджикского и Крымского районов, подчеркивают, что важным элементом до сих пор актуального понтийского традиционного календаря являются православные праздники и особенно Успение Пресвятой Богородицы — Панагия (28 августа). В разное время празднование Панагии проводилось в разных локусах, но и раньше и сейчас источники в окрестностях станицы Неберджаевской являются наиболее значимым паломническим местом для этого дня [8, 9].

Антон Попов предполагает, что культ, сложившийся у Святой ручки, был принесен греками из места исхода — Трабзона, где похожие практики имели место возле монастыря Сумела [10, с. 176]. Вероятно, вместе с практиками почитания источников греки принесли и фольклорные тексты, обосновывающие присутствие Богородицы в святом месте. В случае Святой ручки само название происходит из трактовки природного барельефа на одном из камней близ источника как отпечатка руки (иногда ноги) Богородицы [11, с. 223; 12, с. 292]. В подобных этиологических преданиях может также говориться о том, что в будущем святом месте святой Георгий спас Богородицу от напавшего на ее во время отдыха змея [13]. Иногда источник описывается как слезы Богоматери, скорбящей по распятому сыну [14, с. 58–59].

Ранняя история православного паломничества к Святой ручке малоизвестна. Первую христианскую часовню здесь предположительно построил грек из Геленджика Василий Колесиади в 1914 году в знак исцеления на источниках

своей жены . С установлением советской власти паломничество сошло на нет, но восстановилось в послевоенные годы [14, с. 58]. В 1950 году советские власти разрушили часовню, что, впрочем, не привело к прекращению притока паломников. С конца 1940-х и до начала 1960-х годов паломничество к Святой ручке было предметом надзора специального советского органа — Совета по делам Русской православной церкви в лице его уполномоченного по Краснодарскому краю.

После распада СССР паломническую инфраструктуру начали восстанавливать. В 1994 году греческая диаспора вместе с казаками Пригородного куреня начала строительство новой часовни. В результате были созданы две часовни у разных источников. В 1999 году источники были переданы Русской православной церкви, так появился «Православный комплекс Святая ручка». В 2001 году комплекс освятил митрополит Екатеринодарский и Краснодарский Исидор.

В постсоветское время понтийские греки не испытывают трудностей с доступом к святому месту. В день Успения Богородицы греческие паломники проводят жертвоприношение и праздничную трапезу (гурпан), вешают на деревья лоскуты ткани, играют на традиционных музыкальных инструментах и устраивают круговые танцы . Однако на сценарий паломничества оказывает влияние присутствие священников РПЦ и русских паломников. Как отмечает в этнографическом описании праздника Успения на Святой ручке Мария Сысоева, иногда это сосуществование перерастает в конфликты. Созерцание жертвоприношения не для всех приемлемо, некоторые прихожане и священники обвиняют греческих паломников в совершении «языческих» действий. Из-за этого греки иногда решают не проводить гурпан непосредственно рядом с часовней или привозят с собой уже разделанное мясо. Кроме того, для паломников и РПЦ сама идея трапезы в святом месте не всегда выглядит приемлемой, церковники вешают таблички с предупреждением об оскверняющем характере «пиршеств» . Представители РПЦ сегодня в бóльшей степени являются хозяевами Святой ручки, и в медийных репрезентациях упоминания о греческом происхождении этого локуса встречаются нечасто.

Следующий раздел посвящен тому, каким образом Святая ручка фигурирует в бюрократических документах советской эпохи. Это позволяет понять, как органы советской власти воспринимали проявления религиозности со стороны этнических меньшинств, а также осветить малоизвестные фрагменты истории паломничеств Северо-Западного Кавказа. Источниковой базой исследования стали документы из фонда Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР в Государственном архиве РФ (ГАРФ) и фонда Уполномоченного Совета по делам религий по Краснодарскому краю в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК).

Святая ручка в документах советского чиновника

Верующие стали стихийно возрождать паломнические маршруты в

СССР после окончания Великой Отечественной войны. Отчасти этому поспособствовали изменения государственной политики в отношении РПЦ. К 1949 году в РСФСР только по официальным данным было уже около 60 святых мест [15, с. 16]. В дальнейшем их количество сократилось из-за антирелигиозной кампании, организованной Н. С. Хрущевым.

Советское государство видело угрозу в паломничествах и запретило официальному клиру в них участвовать. За нарушение этого правила можно было лишиться регистрации, то есть легального права быть священником. Церковь и сама была готова сотрудничать с властями, поскольку почитание святых мест слабо контролировалось иерархами. Уже в 1948 году Синод не рекомендовал священникам участвовать в паломничествах [16, с. 239], а в 1959 году патриарх по рекомендации Совета по делам РПЦ требовал от духовенства разъяснить верующим недопустимость посещения паломнических мест [17, с. 187]. Государство и церковь совпали в их намерении исключить из понятия «религия» неинституциональные элементы, сильно зависящие от индивидуальных верований [17, с. 77]. Кульминацией в борьбе со святыми местами стало постановление ЦК КПСС «О мерах к прекращению паломничеств к т.н. “святым источникам”» от 1958 года, которое сопровождалось атакой на религиозные верования и практики в периодической печати и в целом усилением внимания властей к предотвращению активности паломников.

В Краснодарском крае в 1940-е и 1950-е годы было несколько востребованных среди населения паломнических мест в Крымском районе («Святая рука»), у станицы Белореченской, станицы Стародеревянковской Каневского района, Новорождественской Тихорецкого района, станицы Некрасовской Усть-Лабинского района. Во всех случаях объектами почитания оказывались водные источники.

Святая ручка регулярно фигурирует в отчетах чиновников с 1948 по 1960 годы. За это время там несколько раз побывали два уполномоченных — Л.Н. Полуниин и С. Ф. Бабушкин. В отчете за 1948 год Полуниин перечисляет почитаемые в крае источники и упоминает, что к Святой ручке преимущественно приходят греки два раза в год, а именно 11–12 июля в день Петра и Павла и 27–28 августа в день Успения Богородицы. В 1950 он же предлагает радикальную меру в борьбе с паломничеством, а именно разбор располагающейся рядом часовни и подрыв камня у источника (что позволило бы «источник превратить в обычный родник»). Совет по делам РПЦ ответил на эту идею скептическим замечанием.

Вряд ли намеченные Вами меры по ликвидации источника послужат к прекращению паломничества. Такое мероприятие может вызвать и обратное явление. Этот вопрос может быть решен только руководством края. Совет отсюда не в состоянии дать по этому поводу какие-либо рекомендации.

Подобный ответ руководства Совета закономерен, поскольку этот ор-

ган по методам своей работы отличался от антирелигиозных организаций раннесоветской эпохи вроде Союза воинствующих безбожников. Совет по делам Русской православной церкви стал посредником между государством и церковью, его роль сводилась к защите границ секулярного пространства и удержанию религии на периферийных позициях, но не ее полной ликвидации [18]. Часовня при этом все-таки была разобрана, а камень у одного из источников взорван. Однако, как и предсказывали в Совете, паломничество не прекратилось. Уже другой уполномоченный — С. Ф. Бабушкин — в 1953 году застанет следующую ситуацию.

Непосредственно около источника, в последних годах прошлого столетия, была построена каменная часовня. В этой часовне были иконы, горели лампы. В настоящее время этой часовни нет, она разрушена в конце 1950 года. На месте часовни осталась груда камней. Из этой груды камней верующие сложили помост вместо стола. На него установлены были иконы, зажигались лампы и свечи. У подножия горы из каменной глыбы пробивался источник. Сейчас этой каменной глыбы нет. Вода течет из горы прямо по почве. Верующие углубили проход воде и оттуда берут воду.

Предвидение руководством Совета адаптивности поведения паломников говорит об осознании особенностей народной религиозности, к которой представители этого советского органа старались отнестись с пониманием и делать из наблюдения нетривиальные выводы для сопротивления ее популярности. Жанна Кормина на примере работы Совета в Псковской области в конце 1940-х и начале 1950-х годов отмечает, что должность уполномоченного имела несколько ипостасей. Помимо партийного функционера, он был своего рода религиоведом, определяющим, что относится к религии, а что нет, а также этнографом, вынужденным пристально следить за бытованием религии в повседневной сфере [18].

Для уполномоченного как «этнографа» и «религиоведа» была актуальной проблема выявления социального состава верующих, а также нахождения движущей силы паломничества. Это находит отражение в отчете о Святой ручке в 1950 году.

По сообщению жителей ст. Неберджаевской к этому источнику стекается большое количество верующих. 12 июля с.г. в день Петра и Павла и 28 августа с.г. в день Успения пресвятой богородицы здесь было очень много людей. Так считают, что 28/VIII 1950 г. было около 1700 человек. Особенно много было здесь греков. Из греческого населения были мужчины и женщины всех возрастов и молодые, средних лет и старые. Было и много греческой молодежи. Греки собирались со всего побережья Черного моря от Геленджика до Архипо-Осиповки. Из русских были только люди пожилых возрастов, главным образом женщины из разных мест: Новороссийска, Славянской, Тимашевской и других станиц. Очевидцы утверждают, что ни 12/VII, ни 28/VIII у источника не было

священнослужителей, что моление происходило так: один из молящихся читал евангелие, а верующие пели. Греки в период моления устраивали танцы, якобы в знак радости, что Иисус Христос жив. Но по всей вероятности утверждение жителей не соответствует действительности. Несомненно имеется организующая рука, т.к. стянуть к источнику до 1700 человек без этой организующей и направляющей силы нельзя. К тому же в этом деле должна быть чья-то материальная заинтересованность.

Уполномоченный Полуниин приехал на место не в праздничное время и опросил местных жителей о том, что происходило во время массового пребывания паломников. Именно после этого визита он предложил уничтожить часовню и водный источник для прекращения паломничества. Интересно замечание по поводу организации почитания святого места. Совет обычно инструктировал своих уполномоченных обращать особое внимание на присутствие священников, чтобы исключить его в дальнейшем и лишить провинившихся государственной регистрации. В случае отсутствия клира советский чиновник заподозрил наличие корыстных интересов у пока скрытых от его взора организаторов религиозных праздников.

Превазирование греческого населения среди паломников также создавало для уполномоченных проблему. Если русскими паломниками оказывались в основном пожилые женщины, соответствующие у советского атеиста образу типичного верующего, то среди греков, пришедших к святому месту, были люди разного возраста и гендера. Участие молодежи в религиозных практиках опровергало один из советских атеистических постулатов о том, что религия — уходящее явление, приверженцы которого — пожилые, малообразованные люди. Факт воспроизводимости религиозной веры через поколения ставил под угрозу идеологическую картину советского модерна и заставлял активистов и чиновников искать объяснение этой проблеме. Причины, как правило, видели в недостатках идеологической работы и существовании активных верующих, движимых намерениями коммерческого характера [19, с. 308–309], что находит отражение и в рассуждениях Полунина.

Назначенный после Полунина уполномоченный Бабушкин стал ездить к святому месту непосредственно во время праздников и лично наблюдать за происходящим. По документам из отчета чиновника за 1953 год видно, что обрядовая сторона паломничества особенно привлекает его внимание. В частности, когда происходит что-то максимально контрастирующее с секулярной повседневностью.

Над одной женщиной — гречанкой, 60-летнего возраста, Кашевой, из села Мерчанки, совершался обряд жертвоприношения. Кашева легла полуголая на приготовленные для костра дрова, ей на спину был положен барашек, сын Кашевой 30-ти летнего возраста, перерезал барашку шею, отчего вся кровь пошла по телу Кашевой. После этого Кашева, поднявшись, сняла с себя нижнюю часть

одеяния и положила все на дрова вместе с зарезанным барашком. Барашек и одеяние были сожжены на костре. Весь этот обряд совершался в исполнение сновидения Кашевой, что она может излечиться от болезни только в том случае, если принесут в жертву молодого агнца-барашка, заколотого на ее теле .

Помимо этого, чиновника интересует этнический, гендерный и возрастной состав паломников. Присутствие молодежи заставляет отойти от собственно «этнографической» составляющей к попытке интерпретировать увиденное.

27–28 августа в день «Успения» около источника собралось до 900 человек, в числе которых больше 50 проц. было греков. Процентом 60 было молодежи, из которой проц. 80 греческой молодежи, до 250 чел. школьники, человек 300 греческой молодежи от 16 до 25 лет, из общего числа греческой молодежи до 250 чел. девушек совершеннолетнего возраста и до 50 чел. юношей от 18 до 25-летнего возраста. Мужчин молящихся среднего и пожилого возраста было до 20 чел., остальные женщины. Верующие в основном из районов Краснодарского края. Греческая взрослая молодежь ни в каких религиозных церемониях не участвовала. Всю ночь с 27 на 28 — провела в хороводных танцах. Под национальный народный инструмент танцевали и пели народные греческие песни. Из объяснения стариков, греческая молодежь ежегодно собирается в этот день около источника для смотрин. Парни выбирают себе невест, а девушки приходят показать себя. Надо предполагать, что это правда, так как во время танцев многие девушки по несколько раз меняли на себе праздничные платья .

В своей интерпретации уполномоченный отделяет этническое от религиозного и видит в танцах молодежи проявление народной традиции, хотя само действие совершается в месте религиозного почитания. Эта особенность социального воображения соответствует времени. Вскоре в разгар хрущевского правления и далее в 1960-е и 1970-е годы будет проводиться большая работа по изобретению секулярной обрядности, целью которой будет вытеснение религиозных ритуалов как маркеров ключевых этапов биографии человека [17, с. 166]. Советские социальные инженеры станут поощрять народные традиции, видеть в них позитивные для социализации механизмы, но при этом «очищать» их от религиозных элементов [20].

В соответствии с подобной логикой народные танцы и инструменты оказываются в воображении советского чиновника сугубо этническими феноменами, отделяясь от сферы религиозного. Полученная от пожилых участников паломничества информация о том, что танцы молодежи — это смотрины, еще больше убеждает уполномоченного, ожидающего увидеть и в итоге наблюдающего в народном обряде социализирующую функцию.

Постановление ЦК о святых местах от 1958 года заставит Совет по делам РПЦ перейти от наблюдений к действиям. Советская атеистическая пропаганда редко добивалась успеха в прекращении религиозных практик исключительно с помощью лекций, публикаций и прочих идеологических мероприятий. Конец

1950-х годов стал началом нового этапа в борьбе против религии, и Совет по делам РПЦ постепенно вставал в авангард этой борьбы [21, с. 174–222]. Несмотря на пиетет в отношении народных традиций, их бытование на святых местах виделось неуместным.

В 1959 году уполномоченный Совета по Краснодарскому краю вместе с другими представителями советских органов и активистами (в основном учителями и культработниками) будут перехватывать паломников и не допускать их к сакральному месту, сообщая о решении партии прекратить паломничество и сопровождая разъяснения научно-атеистической пропагандой. В 1960 году чиновник делает последнюю запись о Святой ручке, упоминая, что в 1959 году туда не пустили 500 человек, а в новом 1960 году уже якобы никто не приходил. Новых записей в отчетах с тех пор не было, хотя Бабушкин отметил, что продолжит наблюдение, «чтобы искоренить их [святые источники, — прим. авт.] из памяти наиболее отсталой верующей части населения».

Образованный в 1964 году из Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов Совет по делам религий прекратит свое существование вместе с СССР. Как уже упоминалось, в 1994 году греческая община инициирует строительство часовни возле источников Святой ручки, к этому начинанию присоединятся местные казаки и Русская православная церковь. Греки продолжают праздновать Успение Богородицы, устраивая трапезу с жертвоприношением баранов и петухов, народными танцами и песнопениями. Те же действия описывал в своих отчетах и уполномоченный Совета по делам РПЦ, структура ритуала, по-видимому, мало изменилась за это время. Однако теперь понтийские греки, отмечая Успение, встречают не чиновника, который сначала расспрашивает их о празднике, а через несколько лет появляется с группой партийный работников и не пускает к источникам. Во время ритуала греки оказываются окружены священниками РПЦ и русскими паломниками, ожидающими, что первые будут соответствовать ожиданиям последних в отношении того, как должно осуществляться почитание святого места.

Заключение

Святая ручка была и остается для понтийских греков Краснодарского края и некоторых соседних регионов местом религиозного почитания. Как видно из документов периода с конца 1940-х до начала 1960-х годов, паломничество к этим источникам привлекало немало людей и имело особую значимость для греческого населения.

Местные понтийские греки сначала получили от советского государства возможность для обретения политической субъектности, но затем были ее лишены, а многие и вовсе репрессированы. В такой ситуации паломничество

оказалось редкой возможностью публично солидаризироваться посредством такого яркого и насыщенного ритуального действия. Как и многие другие религиозные домены этнических культур в СССР, паломничество попало под надзор и ограничения со стороны государства. Это хотя и затруднило почитание святых источников у греков, но в итоге не уничтожило саму традицию.

Взгляд чиновника на праздники у Святой ручки во многом соответствовал идеологическим стандартам эпохи и особенностям работы такого органа, как Совет по делам религий. Уполномоченные Совета старались посредством наблюдения понять религию как феномен повседневности, и по представленным документам видно, что один из чиновников обращал внимание на этнический компонент, присущий практике паломничества. Впрочем, внимательность к повседневности верующих мало чем помогала советским функционерам в борьбе с религией, и, как и во многих других случаях, паломничество к Святой ручке удавалось прекратить только принуждением.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-09-00420 А «Паломничество в пост-секулярном мире: инфраструктура и практики производства духовного опыта».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Кормина Ж.В., Штырков С.А. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / науч. ред. Ж. В. Кормина, А. А. Панченко, С. А. Штырков. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 7–45.
2. Кокаева А.В. Появление греков на территории Северного Кавказа // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2010. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poyavlenie-grekov-na-territorii-severnogo-kavkaza> (дата обращения 10.03.2020).
3. Попов А. Понтийские греки // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. 2000. № 2. С. 102–133.
4. Баранова В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 287 с.
5. Slezkine, Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism, *Slavic Review*, 1994, 53(2): 414–452.
6. Martin, T.D. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2001. 496 pp.
7. Popov, A. Crossing Borders, Shifting Identities: Transnationalisation, “Materialisation”, and Commoditisation of Greek Ethnicity in Post-Soviet Russia, *Anthropology of East Europe Review*, 2007, 25(1): 29–41.
8. Попов А.П., Тортопиди И.А. Греки Северского района Краснодарского края // *Studia Pontocausica*. Вып. 3. Понтийский греки. Краснодар. 1997. Режим доступа: http://history.kubsu.ru/pdf/gr_sev.pdf (дата обращения 04.07.2020).
9. Сивер А.В. Греки Геленджикского района Краснодарского края (этнографические материалы) // *Studia Pontocausica*. Вып. 3. Краснодар, 1997. Режим доступа: http://history.kubsu.ru/pdf/gr_siv.pdf (дата обращения 03.07.2020).
10. Popov, A. *Culture, Ethnicity and Migration after Communism: the Pontic Greeks*. London: Routledge, 2016. 232 pp.
11. Елоева Ф.А. Понтийские греки: между
1. Kormina, J., Shtyrkov, SA. “This is our Primordially Russian, and We Can't Get Away from It”: Prehistory of Post-Soviet Desecularization. In: A. Panchenko, J. Kormina, S. Shtyrkov, editors. *The Invention of Religion: Desecularization in Post-Soviet Context [Izobretenie religii: desekuliārizatsiā v postsovetskom kontekste]*; Saint-Petersburg: European University at Saint Petersburg Publishing House, 2015: 7-45 (In Russ).
2. Kokaeva, AV. The Arrival of the Greeks in the North Caucasus. [Internet] *Herald of RUDN University*, 2010, 1 (In Russ).
3. Popov, AP. The Pontic Greeks [Pontiiskie greki] *Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism*, 2000. P. 102–133 (In Russ).
4. Baranova V. *Language and Ethnic Identity: Urums and Rumejs of the Azov Sea [IAzyk i étnicheskaiā identichnost'. Urumy i rumei Priazov'ia]*. Moscow: HSE, 2010: 287.
5. Slezkine, Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism, *Slavic Review*, 1994, 53:2, 414–452.
6. Martin, TD. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2001. 496 pp.
7. Popov, A. *Crossing Borders, Shifting Identities: Transnationalisation, “Materialisation”, and Commoditisation of Greek Ethnicity in Post-Soviet Russia, Anthropology of East Europe Review*, 2007, 25(1): 29–41.
8. Popov, A., Tortopidi, I. Greeks of Severskii district [Grekii Severnskogo raiona Krasnodarskogo kraia]. [Internet] *Studia Pontocausica*, 1997 (In Russ).
9. Siver, AV. Greeks of Geledzhikskii district (ethnographic materials) [Grekii Gelandzhikskogo raiona Krasnodarskogo kraia (étnograficheskie materialy)]. [Internet] *Studia Pontocausica*, 1997 (In Russ).
10. Popov, A. *Culture, Ethnicity and Migration after Communism: the Pontic Greeks*. London: Routledge, 2016. 232 pp.
11. Eloeva, FA. Pontiiskie greki: mezhdou konfessiei i étnichnost'iu [Pontic Greeks: between denomination and ethnicity]. In *L.S. Gushchiān, I.R. Tantlevskii, V.V. Fedchen-*

конфессией и этничностью // Формирование культуры в диаспоре / Под ред. Л.С. Гушьян, И.Р. Тантлевский, В.В. Федченко. СПб.: Издательство РХГА, 2019. С. 198–248.

12. Гончарова Е.С. Предания и легенды Кубани о святых источниках // Освоение Кубани казачеством / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар: КГУ «Типо-графия администрации Краснодарского края», 2002. С. 287–298.

13. Попов А.П. Легенда понтийских греков о происхождении источника «Святая рука» (семантический анализ). *Studia Pontocausasica*. Вып. 3. Понтийский греки. Краснодар, 1997. Режим доступа: http://history.kubsu.ru/pdf/gr_por.pdf (дата обращения 04.07.2020).

14. Рыбко С.Н., Бабич А.В. К вопросу о почитании святых источников на Кубани // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2012. № 3–4. С. 56–61.

15. Степнова Д.А. Борьба советской власти с православным паломничеством к «Святым местам» в СССР 1950–1970-х годов (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2013. № 3(23). С. 16–19.

16. Кун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Го-сударство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3–4(30). 2012. С. 232–256.

17. Smolkin, V.A *Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 360 pp.

18. Кормина Ж.В. Исполкомы и приходы: религиозная жизнь Псковской области в первую послевоенную пятилетку // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2008. № 3(59). Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/ispolkomy-i-prihody-religioznaya-zhizn-pskovskoj-oblasti-v-pervuyu-poslevoennuyu-pyatiletku.html> (дата обращения 06.04.2020).

19. Штырков С.А. Практическое религиозоведение времен Никиты Хрущева: Республиканская газета в борьбе с религиозными пережитками (на примере Северо-Осетинской АССР) //

ko editors. Formation of Culture in Diaspora [Formirovanie kul'tury v diaspore]; Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities, 2019: 198–248 (In Russ).

12. Goncharova, ES. Kuban Legends about Holy Springs [Predaniia i legendy Kubani o sviatykh istochnikakh]. In: O. Matveev, editor. *Migration of the Cossacks to Kuban: Issues of History and Culture [Osvoenie Kubani kazachestvom: voprosy istorii i kul'tury]*, 2002: 287–298 (In Russ).

13. Popov, A. Pontic Greeks Legend About the Origin of “Holy Hand” Spring (Semantic Analysis) [Legenda pontiiskii grekov o proiskhozhdenii istochnika «Sviataia ruka» (semanticheski analiz)]. [Internet] *Studia Pontocausasica*, 1997 (In Russ).

14. Rybko, S.N., Babich, A.V. (2012) On the Worshipping of Holy Springs in the Kuban [K voprosu o pochitanii sviatykh istochnikov na Kubani]. *Voice of the Past [Golos minuvshego]*, 2012, 3–4: 56–61 (In Russ).

15. Stepnova, DA. The Soviet Power’s Sight against Orthodox Pilgrimages to Sacred Sites in the 1950–1970s USSR (Based on Materials if the Penza Region) [Bor’ba sovetskoï vlasti s pravoslavnym palomnichestvom k sviatym mestam v SSSR 1950–1970 godov (po materialam Penzenskoï oblasti)]. *Herald of the University of Perm*, 3(23): 16–19 (In Russ).

16. Kun, U. With Icons and Hymns, or a Bishop Who Ran away from His Parishioners. Mass Pilgrimages in Russia During the Stalin and Khrushchev Eras [S ikonami i pesnopeniiaimi, ili episkop, sbezhavshii ot svoikh prikhozhan. Massovye palomnichestva v Rossii epokhi Stalina i Xrushcheva]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2020, 3–4(30): 232–256 (In Russ).

17. Smolkin, V. *A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 360 pp.

18. Kormina, J. Executive Committees and Parishes: Religious Life of the Pskov Region in the First Post-War Five-Year Plan [Ispolkomy i prihody: religioznaiia zhizn' Pskovskoi oblasti v pervuiu poslevoennuiu piatiletku]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2008, 3(59): 94–107.

19. Shtyrkov, SA. Progressive Folk Traditions: Acquisition and Invention (the Case of the North Ossetian ASSR in the 1960s)

Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: Преемственность и разрывы в социокультурных практиках / Под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 306–343.

20. Штырков С.А. Прогрессивные народные традиции: обретение и изобретение (случай Северо-Осетинской АССР в 1960-е годы) // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 213–250.

21. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.

[Progressivnye narodnye traditsii: obretenie i izobretenie (slučai Severo-Osetinskoj ASSR v 1960-e gody)]. In Yu.Yu. Karpov, editor. *Society as an Object and Subject of Power. Essays on the Political Anthropology of Caucasus [Obshchestvo kak ob'ekt i sub'ekt vlasti. Ocherki politicheskoi antropologii Kavkaza]*, Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2012: 213–250 (In Russ).

20. Shtyrkov, SA. Applied Religious Studies of the Times of Nikita Khrushchev: a Republican Newspaper in the Fight against Religious Remnants (on the Example of the North Ossetian ASSR) [Prakticheskoe religiovedenie vremen Nikity Xrushcheva: Respublikanskaiā gazeta v bor'be s religioznymi perezhitkami (na primere Severo-Osetinskoj ASSR)]. In Yu.Yu. Karpov, editor. *Traditions of People of Caucasus in the Changing World: Continuity and Disruptions in Socio-Cultural Practices [Traditsii narodov Kavkaza v meniāiūshchemsiā mire: Preemstvennost' i razryvy v sotsiokul'turnykh praktikakh]*, Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie 2010: 306–343 (In Russ).

21. Chumachenko, TA. *State, Orthodox Church and Believers, 1941–1961 [Gosudarstvo, Pravoslavnaia Tserkov', Veruiūshchie. 1941–1961]*. Moscow: AIRO-XX, 1999: 246.

Статья поступила в редакцию 17.11.2020 г.